

<http://vlzuev.ru>
vlzuev@mail.ru

16+

Владимир Зуев

КОКОН

(монолог)

Всем привет! Я Денис, или Дэн, как я представляюсь в группе. У нас есть сообщество в интернете, мы там делимся чем-то своим. Еще есть личные встречи, но я там пока не был. Это сложно – делиться. Нет, скорее, страшно, чем сложно. Хочу сразу объясниться: я делаю такое видео первый раз. По правде, я бы не стал его делать, но это обязательное условие моего вступления в группу. Я бы сам не пошел... Просто после нескольких срывов мне страшно... Я это делаю не по своей воле... По своей, конечно, но это не моя идея... Меня зовут Дэн, мне 45 лет, и я...

Звонит телефон. Дэн смотрит на номер. Отключает звук.

Я сегодня встретил самого себя. Это был я, только другой. Это странно... Но это был я, только другой. Или мой двойник. Да, я отвлекся. Мне 45 лет, и я боюсь... Вы спросите, чего я не ответил на звонок?! Незнакомый номер. Я не отвечаю на неизвестные номера. Не отвечаю, а потом пробиваю по интернету. Понимаю, что вы сейчас смеетесь. Мол, чувак не отвечает, а потом пытается выяснить, кто звонил. Да, мне страшно... И я не стесняюсь этого. Точнее, сегодня перестал. Раньше я скрывал страх, прятал его от всех. Делал серьезное лицо и изображал непоколебимость. Не-по-кобе-лимость! Изображал крутого парня, которому положить на всё! А внутри у «крутого парня» сидел я настоящий, и мне было ссыкотно... Вот такая матрешка.

Да, врал себе, другим. Но так принято. Не круто быть не крутым. Сегодня я встал в 6:42. Я всегда ставлю будильник не на ровное время. Говорят, так лучше для организма. Встал, посмотрел, кто и что написал за ночь. Я просто не могу не посмотреть. Это смесь страха и любопытства. Что там? Привет из прошлого кто-то прислал? Или запрос в друзья от сумасшедшего настоящего? Давно, когда только появилась соцсеть «О», я там зарегистрировался. Под своим именем и фамилией. Указал город, возраст и школу. Утром открыл и обнаружил 58 запросов в друзья. Кто эти люди?! Это были мои одноклассники, мои знакомые. Я смотрел на их фотографии. А внутри было ощущение чужеродности. Это не моя жизнь, она чужая. Я не хочу с ней соприкоснуться. Я молча удалил страницу.

Звонит телефон. Дэн смотрит на номер. Отключает звук.

В 6:42 зазвонил будильник. Я умылся, позавтракал и поехал на работу. Я еду с конечной автобуса 66 маршрута до конечной метро. Я живу в жопе мира, и это закономерно. Мне страшно жить в центре. В центре другое время. На окраине конец девяностых. И мне комфортно в том времени. Да, я ссыкло. Так меня называл физрук в школе, когда я боялся прыгать через «козла». Он не понимал, что я боялся позора, неудачи. Боялся, что на глазах у всего класса ударюсь одним местом об этого дебильного «козла». Физическая культура. Культура, ага! Бескультурнее физрука был только трудовик, но это, наверное, так положено. Есть какие-то нормы, чтобы физрук был культурнее трудовика. Я бы второй раз не пошел в школу, чтобы проверить. Но я сменил 2 школы и везде было так...

Вообще, нас с детства пытаются уравнять. Я понимаю зачем, но я против этого. Если бы мне объяснили принцип, я бы попытался понять. Но мне не объясняли, поэтому у меня внутри протест.

Еще я боялся делать «подъем с переворотом». Много раз пытался сделать на уроке... Физрук оскорблял меня, класс ржал. Я пошел на стадион и решил сделать, пока не получится. Было холодно, и перекладина была слишком толстая. Короче, я упал головой вниз и ударился об лед. С тех пор страх, видимо, перешел на подсознание. Он впитался в кору и подкорку. И угрозы физрука не могли победить мой страх. Я предлагал ему взамен пяти подъемов с переворотом десять выходов с силой. Его это не устраивало. Он ставил меня перед одноклассниками и оскорблял. Надеялся, что моя гордость поборет страх. Но нет. Однажды я психанул и со всей дури толкнул физрука. Он упал в ноги моих одноклассников... Круто психанул...

Звук сообщения. Дэн берет телефон, читает.

Да, автобус «66»... Ехать до конечной метро минут сорок. Терпимо. Можно читать или слушать музыку. На остановке пара психов пытались со мной заговорить. Один сказал, что скоро всем нам жопа. Что такие, как я, сдохнут первыми. Я не возражал. Я, вообще, не говорил с ним. Даже не смотрел на него... Но из всего автобуса, он выбрал именно меня. Навис над моим сидением и смотрел. Я сидел у окна и делал вид, что сплю. Я всегда так еду, чтобы не привлекать внимания. Рядом сидела девушка, она смотрела видео в телефоне и смеялась время от времени. А он висел над нами. Потом девушка вышла, и он сел на её место. Пахнуло котами. Я отвернулся, воткнул наушники, но музыку не включил, чтобы услышать, если он заговорит. Я не могу сидеть и слушать музыку, если рядом со мной сидит псих, и от него несёт котами.

У меня есть своя теория, почему люди становятся психами. Я не беру клинические случаи, когда это связано с мозгом. Я про других... Вот я, например, псих из-за того, что мне страшно потерять то, что у меня есть. То, чего я добился, нашёл, сделал. То, что моё. Мне постоянно кажется, что кто-то может прийти и отнять это. Не потому, что я такой плохой и у меня лишку... Потому, что другой, который придет ко мне, любит забирать. Это у него фетиш такой, такая фишка. Отнять – и он удовлетворён. Забрал – и все хорошо. Или он тупо ничего другого не умеет. Он умеет забирать. Он пробует отдавать, но не может. Ему нечего отдать. Чтобы отдать, ему нужно забрать у кого-то. Так получилось, это данность. А моя задача – не высовываться... Не показывать, что у меня есть то, что можно отнять. И этому нужно учиться. Я умею...

Звонит телефон. Дэн смотрит на номер. Отключает звук.

Наверное, очередной банк хочет впарить кредит. Я спустился в метро. В кассы стояла огромная очередь. Её крестом пересекала очередь к рамкам. Толпа втолкнула меня в точку пересечения двух очередей. Меня понесло вперёд. Единственное, что меня напрягало, это то, что меня могут сейчас остановить и отправить назад. Потому что я с рюкзаком, а рюкзаки нужно складывать на ленту для досмотра. Я не люблю, когда меня останавливают. Остановили парня впереди меня. Я в толпе на эскалаторе. Откуда-то несло перегаром, чесноком. Ко всему этому примешивался запах дешевых сладких духов. Этот запах ни с чем не спутать, вы знаете его. Самое страшное, когда этими духами пользовались в лифте. И ты едешь с первого на шестой, выходишь... А запах уже въелся в тебя. Хочется срочно в душ. Хочется постирать всю одежду. Я встал за колонной, чтобы меня не столкнули на рельсы, и смотрел вокруг. Я сразу его увидел. И он меня. Это был я, только другой. Не знаю, как объяснить, чтобы вы поняли. Двойник. Нет, он был одет не так, как я. Другой. Но это был я. В тот момент я забыл про свои страхи. Нет, мои другие страхи вытеснил страх перед двойником. Я никогда раньше не встречал двойников. Мне говорили друзья и знакомые, что видели кого-то... Мол, «вылитый ты». Но я сам себя вижу в зеркале не так, как меня видят другие. Я же про себя всё знаю. Скрываю то, что не должны видеть другие. Но они один фиг видят. Короче, мысль такая: мы видим себя так, а другие иначе. Это был я. Прямо совсем я. И от этого было страшно. И он тоже понял, что увидел себя. Испугался, развернулся ко мне спиной и пошёл в толпу. Тут пошёл поезд.

Меня стали заталкивать в вагон. Я прорывался, мне надо было догнать его. Поезд набился и уехал. И мы остались вдвоём на всей станции.

Где-то начинают сверлить.

Звук появляется неожиданно и неожиданно исчезает.

Пришел поезд. Высадил людей. Несколько секунд, и двери закроются. Поезд уйдет на кольцо и вернется. Он, второй я, вскакивает в вагон. Двери закрываются. Он стоит, смотрит на меня. Я знаю, что поезд вернется через две минуты. Я видел: он забежал в разрисованный вагон с рекламой. Сейчас он приедет, и я зайду в это вагон. Я не знал, зачем мне это. Просто чувствовал, что нужно увидеть его. Себя другого увидеть. Вот поезд. Вот вагон. Открылись двери. Я вошел в середину, там, где был он. Вагон пуст, на сидении лежала синяя папка. Я поднял ее и сел. Я вышел на следующей станции. Протиснулся через входящих. Нашел пустую лавку и сел. Мне очень хотелось открыть ее поскорее. Я почувствовал, что он это оставил для меня. Я для себя оставил. Поезд уехал, и я открыл. Там были листы А4. На одном был печатный текст «Опросник иерархической структуры актуальных страхов личности». Дальше под номерами шли вопросы. Другой лист был чистым. К нему степлером была приколот визитка. Какой-то логотип – круг, в нем человек лежит в позе эмбриона. И текст: «Страх помогает выжить». И ссылки на группы в соцсетях.

Я не понимал, зачем он это оставил мне. Что хотел сказать этим?! Позвонил на работу, сказал, что болен. Поехал домой. На остановке автобуса снова встретил психа, пропахшего котами. Но он нашел себе другую жертву. Пока ехал в автобусе, читал опросник. Зачем-то он оставил его мне?! Нужно оценивать по шкале от одного до десяти.

Взял бумагу, читает.

«Можно ли сказать, что некоторые животные (например, пауки, змеи) вызывают у Вас беспокойство?» Да, вызывают. Но меня это не очень касается. Поэтому – 2. «Бойтесь ли Вы темноты?» Нет. Я люблю темноту. Мне на свету не комфортно. Мне кажется, что меня разглядывают все. Я понимаю умом, что всем плевать... Просто так кажется. Ставлю – 1. «Беспокоит ли Вас возможность болезненных изменений в Вашем психическом состоянии?» Не очень. Я привык. Болезненные изменения. Они же с рождения начались. Я помню большую часть, начиная с детского сада. Самым страшным в саду было наказание за разговоры в тихий час. За это мальчиков ставили к девочкам в майке и плавках. Было стыдно. Нет, так говорила воспитательница: «Пусть тебе будет стыдно!» И мы все стояли по очереди. Вытягивали майки, чтобы трусы прикрыть, и стояли. Сначала стыд, а потом страх. Потом был страх стать пионером последним. «Лучших» принимали в день рождения Ленина, у памятника Ленину. Остальных в школе, в актовом зале. Последних – в пионерской комнате. Я боялся быть последним. Мне говорили, что это стыдно. Я верил, и старался быть хотя бы в середине. Так было во всём. И почти все в это верили. Кроме хулиганов. У них, наверное, было стыдным не бить одноклассников и вступить в пионеры первым. Они были другими... Теми, кто придет ко мне забирать моё. Потом было стыдным не с кем «не ходить» до конца школы. Так у нас назывались отношения мальчиков и девочек – «ходить». Не ходить – было стрёмно! Это был страх. Страх, помноженный на другой страх....

Где-то начинают сверлить.

Звук появляется неожиданно и неожиданно исчезает.

«Насколько сильно Вас беспокоит возможность болезни близких людей?» Ответ – 5. Средне беспокоит. Я уже знаю, что близкие болеют и умирают. И беспокойство не помогает им. Когда ты маленький, тебе дико страшно, что умрут бабушки и дедушки. И ты реवेशь в подушку, пока не уснешь. И вот их уже нет. Ты понимаешь, что на очереди твои родители. Понимаешь, но не торопишься. Тебе страшно, когда они болеют. Страшно,

но ты не торопишься. Ты же успеешь еще всё! Что-то такое сделать для них. Как Элвис Пресли купишь своей маме Cadillac Fleetwood Series 60 1955 года выпуска в эмалевом розовом цвете. Успеешь сказать им, родителям, что-то важное. А потом умирает тот, кто младше тебя. А ты не боялся за него. Даже предположить не мог. Поэтому не успел для него ничего... И потом ты ругаешь себя, тебе стыдно. Стыдно и страшно, что может так случиться еще раз. А почему так должно случиться? Просто ты уже знаешь, что так случается, поэтому, тебе страшно...

Читает.

«Бойтесь ли Вы оказаться жертвой преступного нападения на городских улицах?»

По десятибалльной шкале – 3. Не нужно привлекать внимание. И не демонстрировать страх. Тут всё просто – это как с собаками. Они чувствуют, что ты боишься. Тот, кто хочет что-то отнять у тебя, чувствует твой страх, на уровне запахов... Мы пахнем страхом, или агрессией, или тоской и котами...

Читает.

«Испытываете ли Вы во время вызова на «ковер» к начальству неприятные ощущения: учащение дыхания, сердцебиения и пр.» Да. Из десяти – пять. Все зависит от начальника. Если начальник может вызвать стыд, то чувствуешь себя, как в детском саду, в углу, в трусах и майке.

Странно, что я раньше не догадался об этой связке «стыд – страх». Это же так очевидно и просто. Если просто боишься – это ерунда. Это можно исправить. А если стыд – страх, тогда – задница. Это в тебе занозой надолго. Тебя стыдят, что ты не то или не так сделал. Не успел, не услышал, не прочитал мысли, не переместился в прошлое, чтобы исправить всё, не предрёк будущее. И тебе, вдруг, становится стыдно, как в школе, когда учительница при всём классе кричит, что ты тупой. И класс смеётся. Все тупо ржут над ситуацией, не над тобой. Но ты-то всё принимаешь на свой счет. И надо бы встать и сказать учительнице, что-то «Кто Вам дал право меня оскорблять! Как Вы смеете?!». Но ты сидишь, потому что тебя приучили так дома, в детском саду, в школе. И тебе что-то борется и становится дурно. Хочется заорать на всех, чтобы заткнулись, перестали ржать. Послать учительницу и сбежать, но ты сидишь...

«Страшат ли Вас возможные изменения в личной жизни которые могут произойти в будущем: неверность супруга, развод и прочее?» Тут, как с начальников. Все зависит от человека... И тут тоже стыд. Стыдно в мужской компании сказать, что тебе изменила жена. Ты получаешься – как бы не мужик. Когда сам изменил – тогда мужик, а если тебе – ты олень. Если развод – страшно, что родственники тебя не пойму, даже родители. Им привычнее терпеть, обманывать, но жить с тем, кого не любишь... Да плевать, это их выбор. Только твой выбор они уважать не будут. «Живите ради детей!». «Все так живут!». Стыдят, мол, бросаешь ребенка. Это жуть! Родственники в этом вопросе – жуть! Не ведитесь! Расходитесь, если любви нет.

Звук сообщения. Дэн берет телефон, читает.

«Скидки на зимнюю одежду и обувь».

Читает.

«Пугает ли Вас перспектива неизбежной старости?» Ответ – 7. Я не хочу дожить до старости. Я даже уверен, что не доживу. Я боюсь дожить до старости... Я думаю, что старость – это такая хардкоровская версия детства. А детство у меня было советское и я очень не хочу адовой советской старости. И если я помню момент своего рождения, то теоретически, я буду в уме в момент смерти. Не думаю, что это какой-то крутой экспириенс.

«Часто ли посещает Вас страх смерти?». Десять из десяти. Я об это думаю хронически. Не могу объяснить почему... Просто он всегда во мне. Всплывает, как рыба в аквариуме за кормом. Я боюсь смерти. Точнее, всего, что с ней связано. То, что меня повезут в морг. Будут резать мое тело, ковыряться в нем. Потом будут на меня смотреть родные. Не на меня, на то, что было мной. Это же совсем не я буду. Это странно. Что-то меняется в лице со смертью. То, что отличает живого от мертвого. Я это понимаю, но не могу объяснить... Смерть притягивает – это факт. Только посмотрите на количество видео очевидцев чьей-то смерти или гибели. Мы снимаем это. Почему? Зачем? В детстве я наткнулся на кучу фотографий в бабушкином комод. Это были огромные фотоальбомы с похорон. Я не знал этих людей, они умерли до моего рождения. Я смотрел эти фотографии, как в гипнозе. Зачем это нужно было снимать и хранить? Пересматривать, когда всё слишком весело и оптимистично?

Читает.

«Возникают ли у Вас неприятные ощущения, когда Вы находитесь в замкнутых пространствах - лифт, закрытая комната?». Нет. Ноль. Я боюсь открытых дверей в квартире. Меня бесит, что лифт закрывается очень медленно. Потому что в него может кто-то влезть. Этот страх открытого пространства из общежития. Кто не имел такого опыта – настоятельно рекомендую! Это в вас останется навсегда! Это почему-то называют – социализацией. Детский сад – не справился с твоей социализацией! Добро пожаловать на следующий уровень – в школу! Да – моя агорафобия оттуда. Когда к тебе в любую минуту могут войти без предупреждения. Нарушить твоё пространство. Я не говорю про ситуации, когда ломают двери... Это было регулярно, ежедневно. Пьяные урки или еще кто... Я про другое. Когда ты не ждешь... А ты никогда не ждешь. Откуда я мог знать, что сегодня встречу себя в метро?! Что я сам себе оставлю этот вопросник.

Молчание.

Это вот видео – второе задание – публично озвучить свои страхи.

Первое – нужно было ответить честно на опросник и посчитать сумму ответов. Смысл какой... Ты считаешь сумму и отправляешь администратору группы. А он их, как-то там анализирует и потом добавляет тебя в группу. Или не добавляет.

Меня не добавили! Я им, почему-то не подошел! Чего, у меня мало баллов? Или слишком много? Ау! И чего мне теперь делать? Я тут всем правду про себя рассказал уже, а вы меня не зовёте на встречу?! Уроды! Зачем вы это всё устроили? Двойника мне нашли, подкинули вопросы эти? Чтобы поржать?!

Да пошли вы! Мне даже легко стало. Хотите поржать?! Запросто! Мне легко стало! Я не скрываю больше...

Где-то начинают сверлить и колотить.

Звук появляется неожиданно и неожиданно исчезает. Дэн взял разводной ключ, стучит по батарее, звук исчезает.

Читает.

«Бойтесь ли Вы высоты?» Высоты боюсь. Ответ – 5. «Бойтесь ли Вы глубины?». Ответ – 10. Я боюсь не самой глубины. Я боюсь того, что она скрывает. Я тонул в детстве. Мы со взрослыми ребятами катались на плоту. Десятиклассники и я. Они пошли купаться и отдали мне свою одежду. Я стоял на плоту и держал ее, чтобы она не намочла. Кто-то из них резко надавил на край плота. Плот перевернулся, я стал тонуть. Но я не отпустил одежду. Не пытался выплыть. Я стал тонуть с одеждой в руках. Меня вытащили, привели в чувства. Я не выпустил одежду. Я не стал спасаться. Почему? Не знаю, о чем это говорит. Но я боюсь глубины не из-за этого случая. Я не могу контролировать ситуацию. Отсутствие контроля. Я понимаю умом, что практически ничего не контролирую, но...

Владимир Зуев «Кокон»

Блин, как объяснить... Вот это ощущение, будто ты контролируешь. Оно важно. Оно дает какую-то уверенность... А на глубине у меня нет контроля. Даже ощущения нет. А там, в глубине, может быть всё, что угодно.

Читает.

«Испытываете ли Вы повторяющийся страх заболеть каким-либо заболеванием?». Да, Боюсь. Ответ – 6. Это страх не самой болезни. Страх беспомощности и стыд. Стыд, что ты бесполезен, ты обуза. За тобой будут выносить «утку». Будут кормить тебя, мыть будут...

Читает.

«Насколько Вам знаком страх самоубийства?». Ответ – 8. У меня был такой опыт, попытка. Даже не попытка, а игра в попытку. Кажется, я плакал, вспоминал что-то важное... Потом засыпать стал... А потом меня тупо стало рвать, и вся самоубийственная романтика закончилась.

Читает.

«Насколько Вас страшит перспектива потери работы?». Ответ – 5. Да, я много сил, нервов и времени трачу на эту работу. Я тупо зарабатываю деньги. Чтобы снимать жилье, платить по счетам и так, по мелочи. Я делаю свою работу хорошо и честно. Мне надо поменять свое отношение к этой работе. Скорее, к начальству. Оно дергает меня, потому что знает про мой стыд. То, что я испытываю его. Что меня научили с детского сада стыдиться. Нужно поменять свое отношение... Нужно прекратить сопротивляться им всем. Они такие, какие есть. Это не моя забота – переделывать их. Зачем мне это? Если я не буду их переделывать, то они не будут переделывать меня. Мы просто должны мирно сосуществовать пять дней в неделю. Мы не друзья и не враги. Я не стыжусь за свою работу. Я делаю ее хорошо. Они не могут манипулировать этим. Только они манипулируют. Значит, надо не пускать это в себя.

Читает.

«Испытываете ли Вы страх перед публичными выступлениями?»

Звонит телефон. Дэн смотрит на номер. Отвечает.

Здравствуйте, Андрей Сергеевич. Да, заболел. Я звонил, говорил секретарю. Нет, не сделал. Я первый раз слышу про такие сроки, Андрей Сергеевич. Нет, не могу выйти сегодня. Я понимаю, что это срочно. Хорошо... А я имею право заболеть? Спасибо! Больничный?! Нет, не оформлял. Я услышал вас. Хорошо, завтра выйду и сделаю...

Убирает телефон.

Что там было?.. Перспектива потери работы... А, вот.

Читает.

«Испытываете ли Вы страх перед публичными выступлениями?». Я никогда не выступал публично. Во взрослой жизни точно. В садике любил читать стихи. Любил петь. В школе заставляли читать и петь. *(Напевает.)*

От чистого истока в прекрасное далёко,
В прекрасное далёко я начинаю путь.

Как же жестоко нас всех обманула, дорогая Алиса Селезнёва. Зачем ты так, а?! Я же влюблен в тебя был! Я мечтал, что у меня жена будет на тебя похожа. А потом всё понеслось куда-то... И мы в такой заднице оказались... И эта задница была совсем не похожа на «прекрасное далёко». Как так получилось, Алиса?! Коля Герасимов, как так вышло? Вертер, ну ты-то как такое допустил? Или во всем виноваты пираты? Крыс и Весельчак, это вы всё сломали?! Где мой миелофон?! Я же вам верил, уроды! После

каникул прибежал в школу с коробкой, на которую наклеил горный хрусталь. Говорил всем, что читаю их мысли. Где моё КосмоЗоо? Где бластеры?! Где Космопорт?! Где эти фиговины, на которых можно было летать? Почему вы так жёстко поступили со мной, уроды? Со всеми нами... Сколько миллионов таких, как я, посмотрели «Гостью из будущего»? Так что, вы миллионы обманули, ребята! Горите в аду! *(Напевает.)*
Слышу голос, голос спрашивает строго -
А сегодня что для завтра сделал я.

Я сделал! Да! Я всё время делал для завтра! Я хотел, чтобы было не так, как вчера. Чтобы лучше было! Почему не так всё?

Читает.

Предпоследний вопрос... «Тревожит ли Вас возможность войны?» Это – 10. Это с детского сада. Я помню, что я жил в постоянном ожидании войны. Вокруг говорили, что на нас все хотят напасть. Потом в школе была обязательная политинформация. Мы писали письма американским детям. Просили их сказать американским взрослым, чтобы они не нападали на нас. Потом этот страх перешел в режим ожидания. И вот его снова разбудили. Мне страшно, что какой-то псих где-то в жопе мира, нажмет на кнопку. Просто, со страха. И все остальные должны будут сделать выбор. Встать на какую-то сторону. Из-за какого-то психа все будут вынуждены делать выбор. Война – это самый страшный псих, который заберет всё! Всё, понимаете?! Всех и всё... Ничего не оставит. Война не может отдавать.

Читает.

«Посещает ли Вас чувство тревоги из-за агрессивного поведения по отношению к своим близким? Желания избить, нанести повреждения, убить и т.п.?». К близким – нет. А вот других хочется. Например, соседа, который пятый год не может отремонтировать свою хрущевку. Он не открывает мне, я ходил. Я влил в себя осмелителя, взял разводной ключ и пошел. Стучал долго, он не открыл. Когда он долго сверлит, я стучу ему по батарее. Думаю, что он алкоголик. Схема такая... В будни он сверлит и колотит. В выходные у него орет музыка и люди. Какая-то женщина орет в подъезде, что ее убивают. Потом всё падает у них квартире. В будни он снова колотит и сверлит. Я его сосед почти пять лет... И эта схема повторяется из года в год. Знаю, что если не обращать внимания, то это прекратиться. Я сам провоцирую это. Нужно быть зеркалом. Нужно отражать, не впускать в себя. Я же отражаю весь бред, который летит в меня. Я не читаю новости в интернете. Я не смотрю телевизор. Я контролирую свою информационную безопасность. Я чищу ленту в соцсетях. Не принимаю звонки с незнакомых номеров.

Где-то начинают сверлить и колотить.

Дэн взял ключ, стучит по батарее. Звук неожиданно исчезает.

В друзья меня могут добавить только друзья друзей. А мою ленту могут читать только друзья. Я контролирую это. Хочется впахать в себя всё, что я люблю. Всё, что нравится мне, что дорого. Засунуть это в себя и закрыться! Я в домике!

Стук по батарее.

Не лезьте ко мне! Я вас не трогаю, и вы меня не трогайте. Это моя территория! Если бы так можно было... Я бы спрятался навсегда. Мне ничего не надо от вас... Оставьте меня в покое. Мой стыд и страх весь со мной! Почему нельзя оставить меня в покое? Не оставляют. Мир стучится отовсюду. Пишут, звонят, просят, требуют. Ты должен, ты обязан. Обязанность. Почетная обязанность. Гражданский долг. Позиция. Я должен занять чью-то сторону. Я не хочу выбирать сторону. Мне кажется, что если качели не трогать, то они останутся сами. Не раскачивайте их! Просто не трогайте. Не смотрите на качели. Не говорите про них. Не трогайте! Они останутся, я знаю. Я понимаю, когда те, кто способен только «забирать», лезут ко мне. Но когда те, кто «отдает», раскачивают качели.

Я не понимаю этого. Не трогайте! Оставьте в покое! Любая система стремится к минимуму энергии. Не вбрасывайте в нее свое топливо.

Звук сообщения. Дэн берет телефон, читает.

«Закрой глаза. Произнеси вслух текст «Я – это ты, ты – это я. Ты всегда в сердце моем, мы не расстанемся никогда. Я никогда не покину тебя, я буду тебя защищать всегда. За это ты будешь всегда со мной. Я люблю тебя! Ты всегда со мной. Я не брошу тебя, ты всегда со мной! Обниму тебя! Принимаю тебя! Ты можешь жить во мне, я впускаю тебя!». Теперь закрой глаза, дыши ровно и спокойно. Скоро появятся картинки. Рассказывай всё, что ты видишь и слышишь.

Дэн зарывает глаза, ладонями сдавливает уши.

Я почему-то на вокзале. Грязный вокзал. Такой из девяностых. Женский голос. «Четвертая платформа, восьмой путь». Мигают лампы под потолком. «Четвертая платформа, восьмой путь». Мне зачем-то туда нужно. Переход. Я бегу по пустому переходу. Мне не хватает воздуха. Я задыхаюсь. Бегу-бегу. Я почему-то должен успеть на четвертую платформу, восьмой путь. Теперь – лето. Духота липкая. Дышать нечем. Комната пропитана битумом. Рабочие у дома ремонтировали тротуар вечером. Воняет жутко. Кажется, что асфальт уложен вертикально на стену дома. Уроды. Пахнет куревом. Я высовываюсь в окно. Наверняка, курит толстуха из 49-ой квартиры. Это справа, на этаж ниже. У нее нет шторы на боковом окне балкона, а у меня есть. Она не думает о том, что мне неприятно смотреть на нее, а я не хочу, чтобы она видела меня. Она похожа на гусеницу. На большую бледно-розовую гусеницу. Почему гусеницы любят курить в чем-то таком, облегающем или леопардовом... Я сейчас выйду из квартиры, и мы обязательно встретимся в лифте. Она втиснется в последний момент. Она будет тяжело дышать, тыкать толстыми пальцами в телефон. От нее будет пахнуть чесноком и приторно-сладкой туалетной водой. Нечем дышать! На ней надето что-то облегающее, что-то леопардовое и короткое. Гусеницам важно, чтобы было видно, как шевелятся их складки во время движения. Лифт ползет еле-еле... Я уже пропитался запахом гусеницы. Мне хочется в душ, ей хочется быть неотразимой. Хорошо, что я в наушниках... Мне не слышно, как она дышит... Приехали... Давай! Выходи уже... Давай, шевели своими лапками. Выбегаю из подъезда в пекло. Гусеница ползет следом. Интересно, как они устроены. Со стороны кажется, что движутся только складки, но она перемещается в пространстве. Теплица автобусной остановки... Ноги влипают в асфальт. Ветра нет совсем. Скорее бы в метро – там прохлада. Подкатил «Пазик». Я вбегаю. Закрывай двери скорее. Так тебе и надо! Ты не успела! Ты слишком медленно ползешь. Нет, брат, не открывай двери, мы задохнемся. Зачем ты открыл?! Она вползает, молодой парень уступает ей место. Я отхожу в другой конец автобуса... Открываю люк, держусь за липкий поручень, закрываю глаза. Поехали...

Где-то начинают сверлить и колотить.

Звук меняет громкость.

Снова вокзал. Усталый женский голос: «Четвертая платформа, восьмой путь. Четвертая платформа, восьмой путь». Почему четные числа? Дико мигают лампы. И гудят. Этот гул в голове. Переход. Почему пусто в переходе? Совсем никого нет. Я опять бегу и смотрю на указатели. Четвертая платформа, восьмой путь. Мне надо успеть. Запинаюсь. Ударяюсь обо что-то грудью. Тяжело дышать... Снова автобус. Почему они водят «рывками»?! Зачем так? Автобус наталкивается на что-то невидимое...Встряхивает свое содержимое и едет дальше. Бабушка с рассадой выходит. Освободилось место. Сидеть хуже, одежда липнет к телу, но я не встаю. Впереди освобождается два места. Входит мамаша с дочкой. Мамаша – в коротком желтом платье на пуговицах. Волосы обесцвечены. В губы что-то вколото, они неестественно пухлые. Я смотрю на неё. Она хочет, чтобы на неё смотрели. Они садятся на освободившиеся места прямо передо мной. Тут же над мамашей нависает

тучный мужик лет пятидесяти. От него прёт перегаром, но он сам себе нравится. Он почти повис на поручне. Воняет потом и перегаром. Мне хочется в душ. Хочется разогнать всех вокруг. Чтобы их всех не было в моем пространстве. Нечем дышать... Я задыхаюсь. Вокруг меня невидимый купол. Я в пузыре каком-то. Опять переход. Четвертая платформа, восьмой путь. Под ногами грязная жижа. Я иду в пузыре. Я задыхаюсь. Лестница. Ноги ватные... Еще немного... Табло. Четвертая платформа, восьмой путь. Поезд... В вагонах темно, закрыты двери. Я вижу, как по перрону ветер тащит мусор. Мне не хватает воздуха, я в пузыре... Нащупываю в кармане пачку валидола, кладу под язык. Меня мутит.

Звонит телефон. Дэн на ощупь отключает звук.

Открываю глаза, «Пазик» набит битком. Проходы к дверям завалены огромными клетчатými сумками. На сиденьях – какие-то люди, улыбаются мне. Я знаю их. Это мои знакомые из другой жизни. Вот моя соседка по парте. Она что-то говорит мне. Достает из сумки пачку фотографий. Протягивает мне. Я отмахиваюсь, фотографии летят на пол. Она кричит что-то. Пытается схватить меня за футболку. Я вырываюсь. Я хочу выйти. На большом тюке сидит мужчина в кожаной куртке и больших очках. Я прошу его убрать сумку. Мужчина смеется. У него совсем нет зубов. Я тоже откуда-то знаю его. Мне нужно выйти. Чего ты смотришь? Убери сумку! Он что-то говорит мне. Я смотрю в окно. Я не понимаю, где мы едем. Где я мог его видеть? Вокруг какие-то бараки, ларьки, люди стоят кучками и смотрят на автобус. Маленькая площадь у памятника Ленину. Митинг. Флаги красные, флаги новые, плакаты, транспаранты, иконы. Мне душно. Я задыхаюсь. Дайте выйти. Все сливается. Я достаю телефон. Нужно посмотреть по карте... Нет сети. Только экстренные вызовы. Я хватаюсь за поручни двумя руками. Иду по сумкам к водителю. Ноги проваливаются во что-то мягкое, почти живое... Автобус дергается, я падаю... Я не могу идти. Ноги вязнут. Задыхаюсь.

Сажусь в грязь перехода, расстегиваю куртку. Смотрю вверх, два пролета лестниц – и я на перроне. Почему я внизу? Я же был там. Четвертая платформа, восьмой путь. Двери вагонов закрыты. Мне нужно успеть на этот поезд. Я должен встать и пойти... Встаю, кружится голова... Дико колотится сердце. Страшно... Закрываю глаза. Нужно глубоко вдохнуть и задержать дыхание. Я – это ты, ты – это я. Ты всегда в сердце моем, мы не расстанемся никогда.

Где-то начинают сверлить и колотить.

Я никогда не покину тебя, я буду тебя защищать всегда. За это ты будешь всегда со мной. Я люблю тебя! Ты всегда со мной. Я не брошу тебя, ты всегда со мной! Обниму тебя! Принимаю тебя! Ты можешь жить во мне, я впускаю тебя! Автобус остановился. Люди не выходят. Сидят, смотрят в окна. Мужик с пустым ртом раскрыл баул, вытаскивает из него барахло. Швыряет его пассажирам. Выпихиваю ногами клетчатые сумки, выхожу. Воняет овощами и туалетом. Хочется пить. Привокзальный рынок. Фрукты, овощи, кучи тряпья. Иду вдоль рядов. Стоят парни в спортивных костюмах. Вот попрошайки с коробками. Вот беспроектная лотерея. Меня зазывают, пытаются схватить за руку. Я ищу вход в вокзал. Где вход?! Мне нужна четвертая платформа, восьмой путь. У входа цыганка, полный рот золота. На ней что-то темно-лиловое. Лиловая бархатная гусеница. Я сам тебе, тварь, погадаю! Отпустила быстро! Я вырываюсь... Она кричит вслед, чтобы я сдох. Не дождешься! Спотыкаюсь. Падаю. Звон монет. Руки в какой-то слизи. Вытираю их о футболку. Вижу парня в военной форме. У него нет ног. Он сидит на картонке. Я что-то говорю ему, извиняюсь. Пытаюсь собрать в банку мелочь. Протягиваю ему то, что собрал. Он вжимается в стену спиной. Закрывает руками. В одной руке мои очки. Прости, я случайно, я все собрал. Отдай мне очки. Достая из кармана деньги, подаю ему, он смеется. Мы узнаем друг друга. Мы виделись сегодня на конечной метро. Почему у тебя нет ног? Что случилось? Он смеется. Руками начинает стягивать кожу с лица. Это маска.

Он бросает мое лицо в грязь. Берёт мои очки за душку и бьет стеклами о стену. Я узнаю его. Узнаю, потому что так уже было. Мы поругались на перемене. Он содрал с меня очки, выскочил в коридор. Мы долго бежим по школе. Вверх, к выходу на крышу. Темно, мигает люминесцентная лампа. Мы задыхаемся. Я делаю шаг к нему, он бьет очки о стену. Улыбается, бросает их на пол. Леха... Где твои ноги? Где ты оставил их, Леха? Почему ты здесь? Ты умер, Леха. Ты открыл счет в нашем классе. Мы хоронили тебя с ногами, Леха. А потом пили что-то и слушали «Сектор газа». Что-то не так, Леха. Не сходится, Лёха, у тебя были ноги!

Кто-то толкает меня, и я падаю на картонку, туда, где только что был Леха без ног. Я помню, что он был с ногами. Мне казалось, что ботинки на тебе были огромные, Леха. Размера сорок пятого, точно. Как так? Ты же на физкультуре стоял после меня. После... А у меня – сорок второй. Лехи нет. Кто-то прошел и бросил мне под ноги мелочь...

Звонит телефон. Дэн не реагирует.

Женский голос: «Четвертая платформа, восьмой путь. Четвертая платформа, восьмой путь». Почему не первый? До него можно ползти. Я не могу встать. Мне нужен восьмой. Мимо идут люди, кидают мелочь. Рядом садится мужик из автобуса. «Ну что, придурок, слабо 5 подъемов с переворотом?». Откуда они все здесь. Мне нужно туда... У меня поезд... Я знаю, надо зажмуриться и сильно закричать. Тогда вы все исчезнете!

Я – это ты, ты – это я. Оставьте меня в покое. Ты всегда в сердце моем, мы не расстанемся никогда. Мой стыд и страх весь со мной! Почему нельзя оставить меня в покое? Я никогда не покину тебя, я буду тебя защищать всегда. Мир стучится отовсюду. Пишут, звонят, просят, требуют. За это ты будешь всегда со мной. Ты должен, ты обязан. Обязанность. Почетная обязанность. Гражданский долг. Позиция. Я должен занять чью-то сторону. Я не хочу выбирать сторону. Я люблю тебя! Ты всегда со мной. Я не брошу тебя, ты всегда со мной! Не раскачивайте их! Просто не трогайте. Не смотрите на качели. Не говорите про них. Они останются сами. Обнимаю тебя! Я знаю. Принимаю тебя! Я еду к морю. Последний год я все время думаю, почему я не родился где-то у моря. У нас был бы какой-нибудь старый дом. Старый дом... Старый дом на берегу моря... Огромная разница. Почему я родился здесь? В это время. Почему не позже? Почему не раньше? Какой в этом смысл для меня лично? Что я должен сделать в это время, в этом месте? «А сегодня что для завтра сделал я?». Я хочу уйти во внутреннее бомбоубежище. Я хочу к морю... Жить там и чтобы рядом мои любимые. Пусть не будет денег, но пусть будет море. Я два раза был на море. Мне 45 лет, и я всего два раза был на море. Если бы я там родился, я бы его видел каждый день. Постоянно... Я бы просто сидел и смотрел на него. Вся жизнь могла бы быть другой. Потому что море... Вечный двигатель. Когда смотришь на море, нет страха. Восьмой путь, четвертая платформа...

Вы, которые из будущего... Я всё не так сделал. Я попался на этот двойной крючок «стыд-страх». Не ведитесь на это! Я, наверное, чего-то не то в прошлой жизни сделал, если родился далеко от моря. Так что, вы там старайтесь. Нужно удачно родиться – в нужное время, в нужном месте. Я знаю, у вас получится. Это я вам такое послание записал, из прошлого. Я знаю, что всё существует одновременно и настоящее, и прошлое и будущее. Наверное, можно как-то перемещаться в этой одновременности. Вы научитесь. И мой вам совет, в прошлое не лезьте. В моем отрезке нет моря, и прекрасного далёка пока не предвидится. Так что не надо сюда. Мы уж тут сама как-нибудь... У меня внутри, в моём коконе, есть море, домик и все, кого я люблю. Так что за меня не переживайте... Я справлюсь.

Снова сверлят. Дэн закрыл ноутбук, взял ключ, выходит из комнаты.

Конец.